

Борис Леонов известен читателям как исследователь художественной литературы о войне и современной армии, его статьи и рецензии печатались в журналах «Москва», «Молодая гвардия», «Октябрь», «Знамя» и других. Монографии «Эпос героизма», «Преемственность», «Духовный арсенал народа», «Твои полигоны мужества» выходили в свет в центральных издательствах.

Давняя дружба — творческая и человеческая — связывала его с Анатолием Соболевым, которому он посвятил свое повествование «Про бойца подводной пехоты», главы из него мы предлагаем читателю.

Борис Леонов

ПРО БОЙЦА ПОДВОДНОЙ ПЕХОТЫ

Он любил, когда я называл его бойцом подводной пехоты. И не раз признавался в этом. Однажды даже сказал «Вот ведь как... Все вроде бы просто... Стало быть, точно: водолазы — это и есть подводные пехотинцы, а дно моря — их поле боя... А вот не поймал, не зафиксировал в слове очевидное». На что я, кажется, ответил: «Не произнеся открытым текстом слов о подводной пехоте, ты сумел подвинуть к этому меня, потому что художнически ярко запечатлел самих водолазов военных лет в их суровой романтике, в их молчаливом подвиге...»

Вот я и начал уже вспоминать об этом красивом, стройном седоволосом человеке, внимательный взгляд которого нередко говорил собеседнику больше, чем могли сказать слова. Вспоминая, вижу его на берегу свинцового Балтийского моря, прочерченного полосами пенных барашков, похожих на белые полосы на тельняшке. Он стоит у самой кромки дюн, куда не докатываются волны, набегающие на песок Юрмальского пляжа. Осеннее небо охвачено холодными в своей яркости лучами встающего солнца, которые контрастно очерчивают фигуру Анатолия. В

темном плаще он воспринимается каким-то литературно-романтическим персонажем. Если бы я был художником, то именно таким запечатлел бы его на холсте. А фоном пустил бы тревожное военное море, боевой корабль и водолазов, готовых к спуску в пучину.

Это его прошлое, незабываемая его фронтовая юность, проведенная среди водолазов Великой Отечественной.

* * *

Заботы имеют очень стойкое свойство отвлекать от главного. И если ты подчинишься им, не сможешь вырваться из плена «текучки», сходной с детской «тянучкой», — они захлестнут, подчинят, приклеят к себе. Кому не доводилось испытать нечто подобное, тот, конечно, счастливый человек. А тут все время борьба с суетой. За нею забывалось ожидание письма от Соболева, улеглась обида за «непризнание» рецензии в журнале, где я уже печатался. И вдруг почтальон приносит бандероль. От Анатолия Соболева... Из Москвы. В бандероле — книга «Грозовая степь». В нее вложен желтоватый листок бумаги, на кото-

ром шариковой ручкой и ученическим почерком начертано:

«Уважаемый Борис Андреевич!

Я был очень рад прочесть Вашу рецензию и глубоко благодарен за теплые слова и за полезные для меня замечания. Вашу рецензию мне переслали из дому, ибо я сейчас второй год учусь в Москве на высших литературных курсах. Уже заканчиваю. Пробуду здесь до июля. Я был бы рад с Вами встретиться и выслушать замечания по «Грозовой степи». Если, конечно, Вас это не затруднит. Я беру на себя смелость выслать Вам книгу. Сейчас в Москве, в Центральном детском театре, идет моя пьеса «Сыновья идут рядом». Возможно, Вы найдете время посмотреть ее и сравнить с книгой. Пьеса написана по мотивам «Грозовой степи».

Далее дается адрес ВЛК и общежития Литературного института имени А. М. Горького, где его можно найти по телефону и в комнате № 217.

Я позвонил в общежитие. Мне позвонили Анатолия Пантелеевича. Назвавшись, поблагодарил за книгу, за письмо и пригласил его навестить меня. Очень хотелось познакомиться с писателем, который тронул своим словом и вызвал к себе как к личности живой интерес. Он слушал не перебивая. Казалось, я слышал его дыхание.

— Так как, Анатолий Пантелеевич? Принимаете приглашение?

— С признательностью... При встрече обо всем и поговорим. Честно говоря, есть о чем.

Но свидание наше не состоялось. Встреча была назначена на 20 марта 1967 года. Прождал я Анатолия Пантелеевича целый вечер. Телефона домашнего у меня не было. А звонить в общежитие не стал. Ни поздно вечером в день несостоявшейся встречи, ни на завтра утром. Показалось неудобным. Что отвлекло Соболева, сказать не могу. Может быть, и ему, человеку стеснительному, почему-то показалось не очень-то уместным появляться в гостях у человека, лично ему не знакомого, а всего лишь проявившего интерес к его произведению... Я в общем-то понимаю такое состояние у человека. Сам не раз испытывал, но преодолевал его...

А будни делали свое дело. Стали засыпать пылью суетных дел, обязательных и необязательных слов память о несостоявшемся свидании. Однако само имя писателя не ушло из зоны моего внимания. Меня по-доброму поразила честностью и правдивостью его новая повесть «Какая-то станция», опубликованная в журнале «Октябрь». Я поддержал ее на конкурсе произведений о советском трудовом человеке. Этот конкурс был организован Союзом писателей СССР и ВЦСПС и приурочен к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Но мое предложение не нашло поддержки у членов жюри. Однако в статье о лучших книгах последних лет, посвященных героике труда советского человека, которую мне заказал журнал «Советские профсоюзы», я рассказал читателям о произительной в своей человеческой сути повести Анатолия Соболева...

И вновь полной неожиданностью для меня явилась биндероль из Калининграда. В ней книги и второе письмо Соболева, отпечатанное на машинке. Начиналось оно с даты — 8 июня 1974 г.

«Уважаемый Борис Андреевич!

Перебирая и сортируя старые письма, я вдруг обнаружил Ваше письмо, датированное 67 годом, и Вашу рецензию, написанную еще раньше и присланную Вами мне с дружеской надписью. В эти же дни местной библиотекой составлялись какая-то справка о книгах, случайно мною написанных, и отзывах на них, и я узнал, что есть в «Совпрофсоюзах» № 18 за 70 г. рецензия «Место работы — фронт», подписанная «Б. Леонов». Не Вы ли это? И подумалось мне, что не очень-то я вежливым выгляжу, если даже не послал Вам последних своих книг. Поэтому и решил исправить свою оплошность. Правда, они вышли уже два года назад. Последнее время был занят фильмом «Письмо из юности» по своей же повести «Какая-то станция», ходил в шестимесячный рейс с рыбаками в Атлантику, ездил в Польшу, чтобы встретиться с ветеранами войны, ибо в новой военной повести будут и поляки. Теперь вот занят окончанием «Атлантического дневника» и новым кино-сценарием. Ну, а на столе ждет свою очередь повесть о последних днях войны в Вос-

точной Пруссии «Не попавшие в сводку». Военная тема никак не отпускает, да, видимо, и не может отпустить человека, который побывал на войне. Много раз пробовал я «повернуться» лицом к действительности и вот даже ходил простым матросом, а не писателем с рыбаками в тропики, но война настолько сидит в печенках, что до сих пор никак отделаться не могу от нее. Поэтому «Атлантический дневник» будет первой моей вещью о дне нынешнем.

А еще, прочитав Ваше письмо, я подумал, что прошло всего 7 лет, а сколько воды утекло с тех пор! Сколько всяческих событий было в моей жизни и Вашей, конечно. Возможно, Вы уже и не живете по старому адресу, но т. к. я не знаю иного — шлю туда.

Всего Вам доброго в жизни! Успехов и счастья!»

А на полях приписка шариковой ручкой: «P. S. Был бы рад услышать от Вас пару слов».

* * *

Шла весна 1976 года. Писатели страны готовились к своему VI съезду. И вот он должен был открыться. У меня, как и у многих моих коллег, был пригласительный билет. Возле Боровицких ворот встретил давних своих товарищей, работавших в Правлении писателей РСФСР, — Василия Шкаева, Романа Палехова и Николая Агеева. Вместе пошли по брусчатке моста, ведущего в Кремль. Минували Дворец Съездов, Успенский Собор и вошли в вестибюль Кремлевского дворца, где в зале заседаний в десять утра должен был начать свою работу съезд. Шумно. Приветствия, поздравления, объятия. Люди встречаются после долгих разлук. Много знакомых лиц. И вот тут-то я и услышал, как кто-то громко позвал:

— Анатолий! Соболев!

Оглянувшись, увидел седого красивого человека. Черты лица правильные. Чуть утяжелен подбородок. В глубине глаз залегла какая-то печаль, которую не смыла улыбка радости от свидания с тем, кто окликнул Соболева.

Переждав объятия, похлопывания и традиционные приветствия, коими обменялся Соболев с человеком, стоявшим ко мне спиной, я подошел к Анатолию Пантелеевичу, протянул руку и сказал:

— Здравствуйте, я Леонов.

— Ну, вот мы и встретились, — просто сказал Соболев, взяв руку в теплые ладони. И тут же усмехнулся: — Вы, как Чапаев... Помните его приход к Фурманову: «Здравствуйте, я Чапаев». Нет, это просто здорово, что десять лет спустя после нашего заочного знакомства мы свиделись.

Но пора было идти в зал. Пошли вместе, а потом затерялись в толпе. Больше Соболева я так и не видел в дни работы съезда. Поговорить всерьез с ним не пришлось. А спустя некоторое время получил от него письмо, датированное третьим июля семьдесят шестого года.

«Дорогой Борис Андреевич!

Встреча на съезде была столь же коротка, сколь и неожиданна. И я чувствую какую-то вину, какое-то неудовлетворение, что мы так и не познакомились поближе, не посидели, не поговорили. Всею виной моя еще не совсем ушедшая болезнь. После заседаний я отлеживался в номере, приходил в себя. А мне очень хотелось потолковать по душам да и просто поблагодарить Вас за все то, что Вы сделали для меня. Нам, живущим на окраинах России, очень важно иметь в стольном граде добрую фею, коей Вы для меня являетесь. Ведь часто бывает так, что эта фея или волшебник просто вытаскивают из неизвестности какого-то литератора и, глядишь, он сам, этот литератор, начинает верить в свои силы, что-то пишет и дает критику возможность снова писать о нем. Я был бы рад, если такая творческая взаимовыручка наладилась бы у нас. Шлю книгу, как договорились. И еще раз благодарю за все доброе, сделанное Вами для меня.

А Вы смелый человек. Вдруг вот взяли и написали о литераторе, который не находится в «обойме». На это критики редко идут. Жалко все же, что мы не посидели и не поговорили, возможно, моя жизнь дала бы Вам толчок для статьи. Она у меня весьма бога-

та. Впрочем, она почти вся в книгах.

Ну всего Вам доброго и всяческого благополучия! Надеюсь с Вами свидеться и познакомиться поближе.

С приветом А. Соболев».

* * *

В беседах мы чаще всего, и это естественно, касались разных сторон жизни писателей, отношений к литературе, творческого общения людей. И нередко сходились в мнении, что не все благополучно в «нашем доме». Куда-то ушло, кануло в прошлое горьковское начало в литературе, его забота о молодых, идущих вслед старикам. Трудно, скажем, представить, чтобы нынешний главный редактор какого-либо журнала, подобно Некрасову, бежал бы через город к другу своему, чтобы среди ночи разбудить его и сообщить, что появился некто, совсем неведомый, с повестью «Бедные люди».

— Но ведь и повести-то такой нынче появиться не может,— подпускаю иронию в серьезный разговор.

— Дело в принципе,— не принял моего тона Соболев.

— Но ведь и нынешние молодые не очень-то охочи до встреч с мастерами. Знаешь, мне однажды Леонид Максимович Леонин сказал, шутя и переживая, что долго ждал, когда же к нему зайдет кто-нибудь из студентов литвуза. И вот однажды, открыв дверь на звонок, увидел на пороге двух добрых молодцев, назвавшихся литвузовцами. «Наконец-то! Пришли!» — подумал мастер, предвкушая беседу о литературе. Но молодцы заявили, что уполномочены студентами попросить у Леонида Максимовича пять рублей на выпускной вечер.

— Горько, конечно, слушать такое. Но ведь никто, не знаю почему, но никто даже не пытается подумать, а отчего все именно так стало в среде литераторов. Не повинны ли сами наши мастера в таком положении дел. Не устранились ли они от живого движения жизни? Судить не берусь, но посмотри хотя бы на наш литературный институт. Кто раньше руководил семинарами в нем? Уважаемые

и авторитетные художники, почитавшие за честь вести занятия с молодой порослью. Тот же Леонин, Всеволод Ипанов, Владимир Луговской, Федор Гладков, Константин Федин, Константин Паустовский, Леонид Пастернак. А ныне? Среди руководителей нет ни Василия Федорова, ни Юрия Бондарева, ни Петра Проскурина. Разве нельзя было бы пригласить в институт в качестве руководителей семинаров Евгения Носова или Василия Белова, Василия Быкова или Юрия Казакова.

Разговор иногда касался жизни писательских организаций на периферии. Вот уж где процветает уруновщина! Писательская организация состоит из десяти-двенадцати человек, а в ней чуть ли не пятнадцать группировок. Причем в основе «раскола», «разлада» — стрелы, далеко не творческие, а всего лишь, погребительские, карьеристские, касающиеся вопросов издания, гонорара, тиража, приглашения и прочего. А особенно достается людям талантливым, которым завидуют посредственности и делают все возможное, чтобы выбить человека из равновесия, отнять у него душевное спокойствие. Во всяком случае, изменить все это довелось ему самому. А это все усугубляло болезнь, выводило из себя, лишало работоспособности. Потому-то чаще всего он оставлял городскую квартиру и отправлялся в Дом творчества, чтобы поработать, «отнести душу». Именно так рассматривал он и свое участие в семинаре.

* * *

В начале 1977 года с оказией Анатолий Пантелеевич оказался в Москве. Он по этому поводу часто шутил: «Москва все-таки ближе к Калининграду, чем Калининград к Москве». На сей раз позвонил. Сообщил, что остановился в гостинице «Россия». От поездки ко мне, а я жил тогда в районе Химки—Ховрино, отказался, сославшись на усталость с дороги. А через день он должен уже отбыть из Москвы. Между тем у него была не то чтобы просьба ко мне, требовался совет.

В правлении Союза писателей РСФСР ему посоветовали собрать том своего избранного и предложить издательству «Прогресс», где

его могут перевести на какой-либо иностранный язык. В самом издательстве у него есть знакомый человек, который тоже поддержал идею издания его книги. И Соболев решил посоветоваться со мной, что включить в состав сборника, как композиционно решить его.

И кто бы мог предположить, что состав сборника, сделанный нами совместно в тот вечер, послужит подтверждением в общем-то расхожей мысли о том, как нелегко жить настоящему художнику в мире вкусовых пристрастий, разных точек зрения на природу художничества, а то и групповых столкновений. Я не разделял никогда и не разделяю по сей день точки зрения на возможность единения творческих людей, или, как нынче вновь стало модно называть подобное единение, консолидацией оных, поскольку каждый из них исповедует свою приверженность художественным принципам и направлениям в литературе и искусстве. Это все равно что мусульманина заставить исповедовать еще и православие. Но вот быть терпимым к оппоненту, быть уважительным к взглядам другого, по-моему, можно и должно воспитать в себе. К сожалению, именно такого воспитания и не хватает нам многим. Отсюда — недоразумения, обиды, наносимые друг другу теми, кто, казалось бы, должен обостреннее и глубже понимать ранимость и незащищенность каждого в мире художественной конкуренции. Здесь должна торжественно высочай по искренности гуманистическая атмосфера. Но пока только должна...

21 мая 1977 года получил письмо от Анатолия Пантелеевича, написанное болью сердца, не осознавшего всей обиды, нанесенной рецензентом издательства «Прогресс». Его и сейчас невозможно читать спокойно.

«Дорогой Борис Андреевич!

Отлежал я тут в реанимации почти месяц, и через недельку обещают отпустить.

Нет, не шапками мы закидали Германию. Трупам закидали. Своими. И до сих пор еще закидываем. 20 миллионов — это первый список. А сколько потом фронтовиков поумирало от ран и болезней! И до сих пор. Не было б войны — не было бы у меня двух кессонок и был бы я здоров, как бык. А вот была

война, и 2 года я был на ней. И до сих пор она меня преследует, проклятая. И не дает работать. Врачи запрещают. А у меня уже почти готовая повесть лежит. Думал летом закончить. И опять отодвигать. И жалко и обидно. Но что поделаешь?

Вот такие мои житейские пироги... А литературные...

Получил недавно рецензию из «Прогресса», написанную Вл. Семеновым. Пользовался слухом, что он в «Молодой гвардии» работает. Такой разбойной рецензии за всю жизнь на меня не писывали. Собственно говоря, это даже не рецензия, а сплошное и заданное обливание автора грязью. Почему-то он все время с произведения переходит на самого автора. Может быть, сейчас уже так пишут рецензии? «Какая-то станция», по его мнению, — дерьмо и эпигоństwo. «Тихий пост» — ковбойская кинолента, причем самая плохая, где льется кровь как клюквенный морс. «Ночная радуга» — надуманная и фальшивая вещь. Сборник рассказов «А потом был мир» — сплошное дерьмо. Разгулялся, чувствуя свою безнаказанность.

Я — не Шолохов и очень хорошо это осознаю. И, конечно, в моих вещах много несовершенного — это я тоже сознаю и никогда не претендовал на роль классика. Но так залихватски рубить все подряд! И почему-то все время переходить на личность автора — это у меня впервые.

Делалось все это, конечно, сознательно, чтобы отбить у «Прогресса» желание перевести меня на какой-нибудь язык. Вл. Семенов просто не знает, что тот же «Тихий пост» уже переведен в Польше, ГДР, «Грозовая степь» (которую он тоже пнул, хотя ее не было в «Прогрессе») переведена в Югославии и ГДР, рассказы «Три Ивана» и «Пролог после боя» переведены в Польше. Я уж не говорю о переводах в нашей стране на языках республик. Так что, Борис Андреевич, зря Вы хвалили «Какую-то станцию». По мнению Вл. Семенова, показывать русских баб, тащущих на себе воз, — это ложь. Война была легкая, и мы просто шапками закидали Германию и парадным шагом пришли в Берлин.

Прошу извинить меня за такой всплеск.

Просто горько становится, когда узнаешь, что есть люди, так легковесно думающие о войне. Видимо, их больше привлекают штирлицы, чем бабы с надорванными животами.

Если к концу мая меня выпустят отсюда, то, видимо, в начале июня приеду в белокаменную. Хотел бы увидеться.

Всего доброго!

Главное, не хворайте. Остальное приложится!

С поклоном Анатолий Соболев».

* * *

Мимоходом жизнь не изучают. Хотя есть литераторы, которые искренне утверждают, что не дело художника изучать жизнь, но просто надо жить. Но ведь жить — это состояние не пассивного пребывания в обществе, в коллективе, в семье. А всякий процесс вторжения в сферу людских отношений и есть в конечном итоге — изучение жизни. Результатом такового является знание людских особенностей, законов общежития, знание человеческих отношений, включая родственные...

Об этом шел у нас разговор с Анатолием Пантелеевичем, который признался, что хочет написать неожиданную для себя вещь — об отце и сыне, о сложностях семейной жизни. Он впервые говорил об этом, поскольку ни до того, ни после не затрагивал в своих разговорах со мною вопроса собственных семейных дел.

Но тут он оказался впервые у нас дома. Вел себя непринужденно. Шутил с младшей дочерью Викой, нахваливал жену Ирину за вкусные печева: кулебяку и торт. Просидели допоздна.

Провожая его, спросил:

— А какая вещь сейчас у тебя в работе?

И он рассказал историю человека, бывшего во время войны водолазом в Заполярье, который в день Победы не получил медали за войну, поскольку «не добрал» какого-то срока пребывания на фронте. Условное название — «Награде не подлежит». Хочет написать о юноше, едущем на пятьсот-веселом в армию служить. У него уже был договор с издательством «Современник».

Через несколько дней он позвонил и сообщил, что встречался с руководством издательства и предложил мою кандидатуру в качестве автора вступительной статьи к книге, в которую войдут повести «Награде не подлежит», «Тихий пост» и «Пятьсот-веселом». Он спрашивал моего согласия. Естественно, я согласился. Но, в свою очередь, попросил его снабдить меня сведениями о себе. Но не просто в виде «листка по учету кадров». Нет. Это должен быть рассказ о своей жизни, сведения о творческом пути, некоторые суждения и мысли о литературе, авторские комментарии к написанному.

Анатолий Пантелеевич обещал подумать. Непременно выполнить просьбу. И слово свое, как всегда, сдержал. 11 января 1979 года он выслал мне по почте написанный от руки штрих-пунктирный набросок литературного автопортрета.

А. П. Соболев.

Родился 6 мая 1926 года в Кытманово Алтайского края, детство провел на границе гор и степи под г. Бийском в с. Смоленском. В 1943 году, 17-летним, из 9-го класса добровольно ушел на фронт. Участник Великой Отечественной войны. Имею правительственные награды. Служил матросом-водолазом на Северном и Балтийском флотах. После демобилизации в 1950 году учился в Сибирском металлургическом институте в г. Новокузнецке (1951—1956 гг.). Окончив институт, работал на металлургических заводах Урала и Сибири инженером-механиком в мартеновских цехах. С 1958 по 1965 год — старший преподаватель кафедры механического оборудования Сибирского металлургического института в г. Новокузнецке Кемеровской области.

В 1965—1967 гг. учился на Высших литературных курсах в Москве, после окончания которых работал старшим редактором Пермского книжного издательства.

Член СП СССР с 1964 года.

С 1968 г. на профессиональной писательской работе.

В 1963 г. участник IV Всесоюзного семинара молодых писателей.

В 1963 г. на Всесоюзном конкурсе на луч-

шую книгу для детей повести «Грозовая степь» присуждена Вторая премия.

В 1967 г. на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу по военно-патриотической теме в честь 50-летия Октября повести «Тихий пост» присуждена Первая премия.

В 1968 г. за создание литературных произведений для молодежи награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Книги переведены на польский, немецкий, сербский, лужецкий, албанский, македонский, болгарский, латышский, украинский, киргизский, армянский, алтайский, чувашский языки.

В 1966 г.— премьеры пьесы «Сыновья идут рядом» (по повести «Грозовая степь») в Центральном детском театре в Москве.

В 1964 г.— телефильм «Избрание апостолов» (по рассказу «След стакана»), созданный Новосибирской киностудией.

1967 г.— телефильм «Грозовая степь» (по одноименной повести), созданный Ленинградской телестудией.

1974 г.— широкоэкранный художественный фильм «Письмо из юности» (по повести «Какая-то станция»), поставленный на киностудии им. М. Горького.

Первая книга «Безумству храбрых» вышла в 1963 г. в Кемеровском издательстве.

Детство, проведенное в алтайском селе на границе гор и степей, до сих пор питает живительными соками мое литературное воображение. Для каждого человека дороги свои детские годы, полные незабываемых и чистых впечатлений. Мои же молодые годы ко всему еще совпали с событиями, особыми в истории страны. И начало и конец 30-х годов переступили порог нашего дома. Мальчишеская память цепко ухватила и хранит до сих пор события тех жестоких лет. Своими глазами видел я, как горел сибирской зимой ночью подоженный кулаками райком партии, помню отца, отравленного подсыпанным в муку мышьяком и с пеной на губах катающегося на полу в невыносимых страданиях; видел повстанцев, непримиримых к советской власти; слышал недобрый гул толпы, когда сбрасывали в нашем селе с церкви крест. Обо всем этом написал в повести «Грозовая степь».

...Потом была война.

Более тридцати лет минуло, как смолкли орудия, и послевоенное поколение вступило в пору зрелости, а сердце с неизбывной печалью помнит фронтовых друзей, не доживших до Победы. Не былинные витязи, не легендарные герои, не супермены, говоря нынешним модным нерусским словом, а ясноглазые да застенчивые парни из городов и деревень России, еще безусые, нецелованные, в свой смертный час не дрогнувшие, всё идут и идут ко мне из туманной дали прозовых лет. Им посвящена и первая моя повесть «Безумству храбрых...»

Прологом к книге о водолазах можно считать пережитый страх и чувство безысходности, когда при подъеме судна, промывая туннель под его днищем для крепления понтонов, оказался я заживо погребенным в морской пучине. Шанс остаться в живых был ничтожно мал, но судьба подарила его мне. За долгие годы водолажных работ (под водой я провел около 3000 часов) повидать и пережить довелось с лихвой, и не рассказать о безвестных парнях, о чернорабочих моря было нельзя. Впервые повесть «Чайки над морем» под псевдонимом «А. Сибиряк» была опубликована в газете «Кузбасс» за 1961 г. Настоящую фамилию свою поставил робел.

Когда спрашивают, почему пишу, отвечаю: не знаю. До сих пор и себе не могу объяснить, зачем свернул на эту не асфальтированную тропинку, никогда и в мыслях не держал стать писателем. Деревенским мальчишкой носил за пазухой мечту повидать свет, постранствовать, выучиться, стать художником. Неизгладимое впечатление произвела на меня картина М. Нестерова «Видения отроку Варфолоею», которую увидел я в каком-то журнале. Раздобыв акварельные краски (что в деревне было не так просто), рисовал я все, что видел: баню, петуха с отрубленной головой, базар, драку мальчишек, степь.

Война сломала все мои планы. И сожаление, что не пришлось стать художником, осталось до сих пор. И свет посмотрел, и во многих странах побывал, и по морям-океанам поплавал, даже на сказочных Канарских островах бывал, и институт закончил, и с вой-

ной на «ты», но все равно, когда попадаю в галерею или на выставку, щемит сердце по несбывшейся мечте стать художником.

Когда работал в Сибирском металлургическом институте, ночами вместо диссертации написал повесть «Безумству храбрых...» Почему именно о водолазах? Не только потому, что хорошо знаю специфику подводных работ. Мне всегда претило и до сих пор вызывает чувство раздражения, когда профессию водолаза представляют как нечто романтическое, как легкую прогулку по дну моря среди экзотических рыб и красивых зарослей. В действительности же профессия водолаза ничего общего с экзотикой не имеет. Подводная работа прозаична и опасна. Главное в жизни водолаза — держать нервы в кулаке, не теряться, быстро ориентироваться в сложной, часто смертельной ситуации. Водолазу, когда он под водой, практически никто не может помочь, все зависит от него самого. Он один на один со стихией, с морем, с опасностью. Все это и заставило меня взяться за перо и написать о подводных мастерах, как может написать о них водолаз.

Там же, в Новокузнецке, был написан «Бушлат на вырост», который можно считать первой частью «Тихого поста», или, наоборот, «Тихий пост» считать продолжением «Бушлата на вырост».

Дело в том, что создавалось это как единое целое. Но издательство «Молодая гвардия» потребовало отсечь последнюю главу книги, что-то смущало их. Неопытный тогда автор, не умеющий постоять за себя, я отсек последнюю главу, а уж потом она превратилась в повесть «Тихий пост». Читая их подряд, можно легко уловить единое целое двух книг.

На Алтае в моем селе стоит обелиск, поставленный в память о тех, кто не вернулся с войны и лежит в безымянных до братских могилах за тысячи верст от родных мест. Когда писал «Тихий пост», «А потом был мир», «Три Ивана», «Тополинный снег», в основу которых легли действительные события, в зрительной памяти держал тот простой обелиск с именами моих односельчан. А имен так много, очень много. Хотелось сказать о

них правду, одну правду и ничего, кроме правды.

Пишу медленно, трудно, десятки раз переписываю, даже после публикации. Порою охватывает отчаяние от бессилия выразить словесно то, что чувствую. Только «Грозовая стена» вылилась в два месяца, но больше такой удачи не выпадало. Пишу годами, даже такие небольшие по объему вещи, как «А потом был мир» и «Три Ивана».

По-разному рождались книги.

Например, рассказ «А потом был мир» возник из фразы «Похоронная команда подбирала убитых». Долго преследовала меня эта фраза, пока не обросла сюжетом, деталями, пока не получила продолжения в виде целого рассказа.

«Тополинный снег» родился от запаха полыни. В то лето жил я в белорусской деревне под Минском и работал над повестью «Какая-то станция». Однажды на закате солнца вышел на околицу — тревожно забило сердце. Знакомый с детства запах охватил меня. Растирая полынь в пальцах, шипящая терпкий и горький дух, вспомнил я Сибирь и скорбное лицо моей первой учительницы в тот приезд, когда через много-много лет удалось мне вырваться из суеты повседневной жизни к себе на родину: услышал ее глуховатый голос, перечислявший погибших моих одноклассников.

Прервав работу над повестью, в несколько дней, с какой-то тревогой, с неотступной болью, боясь что-то утратить, написал рассказ. Знать, давно он зрел в душе. Нужен был только толчок. Полынь разбудила уснувшие воспоминания.

Чтобы написать рассказ или повесть, мне необходимо побывать в тех местах, где будут действовать мои литературные герои. Совершенно не умею писать о том, чего не знаю хорошо. И некоторые такие попытки кончились провалом. Я должен проникнуться тем состоянием, подышать тем воздухом, в котором будут находиться мои герои, увидеть своими глазами пейзаж, дома, людей. Уверен, что никогда бы не написал «А потом был мир», «Три Ивана», если бы сам не видел островерхих красночерепичных крыш немец-

ких домов, не поездил бы по дорогам, обсаженным вековыми каштанами, и не побывал на фольварках, не побродил бы по извилистым улочкам в бывшем Кенигсберге, если бы не служил в свое время в Германии, если бы не слышал немецкую речь.

Достоверность детали, знание условий, в которых будут жить твои герои, по-моему, совершенно необходимы в литературном труде. Все это заставило меня в 1972 г. выйти на полгода в рейс простым матросом. Не корреспондентом — созерцателем морской жизни, а человеком, занятым вахтами, подвахтами, шкеркой рыбы, погрузкой, разгрузкой, уборкой помещений, то есть той работой и жизнью, которой занят матрос траулера. Избороздив за шесть месяцев Атлантический океан с севера на юг и с запада на восток, побывав за это время в различных ситуациях, собрал я огромный фотографический материал, который и использую при написании книги «Якорей не бросаю».

Иногда откладываю какую-то почти готовую работу и принимаю за новую, боясь упустить что-то важное, необходимое, что со временем может ускользнуть или потеряет для меня остроту. Так, внезапно начал работу над повестью «Награде не подлежит». То же случилось и с повестью «Пятьсот-веселый».

Во время работы в литературе испытал влияние разных писателей, но наиболее сильное и устойчивое до сих пор это влияние Михаила Шолохова и Ивана Бунина. Из современников, из писателей военного поколения, огромное значение имеет для меня творчество Виктора Астафьева, Василия Быкова и Евгения Носова.

Больше всего боюсь в литературе сладкой творческой полудремы, уютного теплого успокоения; боюсь всеядности, когда литератор хватается за любую подвернувшуюся под руку тему — от детектива до фантастики — лишь бы была она конъюнктурной; боюсь болтунов от литературы, играющих роль классиков, — распустив перья самовлюбленности, способны они утратить в словесной полове зерна живого русского языка, боюсь уподобиться тем, кто с помощью редакторского

кислорода пытается вдохнуть жизнь в свое мертворожденное «творение», скороспело испеченное к сроку составления редакторского плана. Медлю предстать перед читателем с новой вещью, потому как всегда помню слова великого Твардовского:

Не хуже — честь не велика,
Не лучше — вот что горе».

И далее следовала приписка:

«Дорогой Борис!

Все, что мог, и как умел — написал. Авось пригодится.

Спасибо за ласку. Привет ребятам в прозе и твоему семейству.

Обнимаю. Анатолий».

От себя считаю необходимым пояснить, каких «ребят в прозе» имел в виду Анатолий Пантелеевич. В то время я работал в журнале «Молодая гвардия», с которым стал сотрудничать Анатолий Соболев. Именно в нем он опубликовал повесть «Штормовой пеленг», а затем и повесть «Пятьсот-веселый».

После получения литературного автопортрета я всерьез взялся за вступительную статью к сборнику повестей писателя, который вышел впоследствии в издательстве «Современник» в 1981 году под названием «Награде не подлежит».

* * *

Однажды во время пленума Правления Союза писателей РСФСР рядом со мной оказался поэт Сергей Васильевич Смирнов. Он склонился ко мне и шепотом произнес:

— Слушай, Борис, я теперь стал писать только классику. Нет, серьезно. Хочешь, прочту? Думаю, что докладчику я не помешаю.

Он пришел, как наитие,
Как слепок с натуры,
Секретарский период развития
Советской литературы.

Вспомнился мне этот эпизод не случайно. Вышедший апрельский номер журнала «Север» с повестью Анатолия Соболева «Награде

не подлежит» я постарался представить в ряд столичных редакций, чтобы там по достоинству оценили последнюю к тому времени и одну из самых серьезных вещей писателя. Даже предлагал свои услуги. От них отказывались. Обещали посмотреть. Даже поддерживать. Но увы... Шло время, а в периодике так ничего и не появлялось. Невольно в мозгу возникло ироническое выражение: «Какой ты талантливый, когда ты даже не секретарь». Оснований для подобных горестных слов было предостаточно в литературной жизни той поры. Да и не только той...

Мы перезванивались несколько раз. Анатолий жаловался, что, видимо, всерьез в нем разыгралась давняя болезнь. Видимо, вновь «эхо» кессонки уложит его в больницу. Через некоторое время мне сообщили, что Анатолий все-таки попал на больничную койку. К тому времени в «Современнике» уже вышла книга его повестей «Награде не подлежит» с моим предисловием. Я написал ему и поинтересовался, получил ли он авторские экземпляры. Просил выделить несколько для пропаганды книги. Думал: ну не захотели выступить по случаю публикации журнального варианта повести в «Севере», но теперь-то на книгу должны откликнуться?!

И вот получил я от Анатолия Пантелеевича весточку:

«Дорогой Борис!

Авторских еще не получил, но достал книгу здесь — шлю тебе. Спасибо тебе, дорогой друг, за все, что ты сделал для меня. Теперь осталось, чтоб наш общий труд заметили. Может, сделаем обсуждение на комиссии по военной литературе. Ты там у руля.

Лежу в больнице, третий раз за этот год. Вот теперь из меня выходит «кессонка».

Привет твоим домочадцам. А главное — здоровье! Обнимаю. Анатолий».

Тут же откликнулся на просьбу Анатолия Соболева. Договорились об обсуждении книги на одном из заседаний комиссии. Но сам он почему-то передумал. Оправдываясь в том, что заставил меня заниматься его персоной, говорил примерно так: а зачем это ему нужно? Есть люди, которым, наверное, такое обсуждение не просто необходимо, но и обяза-

тельно для будущего роста. Он говорил это по приезду в Москву в начале 1982 года.

— Лучше ты выступи еще раз с послесловием к моему «Тихому посту». Ищут автора в приложении к журналу «Сельская молодежь» — к «Подвигу». Гурнов Борис там командует. Я ему назвал тебя. Он вроде согласен. Обещал звонить тебе.

На вопрос, чем занят, ответил:

— Сражаюсь с болячками.

— Ну, а всерьез?

— Сейчас ото всего отказываюсь. Объявил мораторий на все побочное, хотя и доходное. Телевидение заказывало сериал... Живу книгой о рыбаках.

Так оно и было на самом деле. Он готовился к этой книге очень основательно. Показывал мне папки с «заготовками». Их составляли вырезки из газет, выписки из различных специальных книг, переводы из иностранных источников. Были среди его бумаг и различные выкладки: статистические, экономические, исторические сведения. Я, честно говоря, удивлялся такому обилию сведений по специальным вопросам освоения мирового океана. Ведь будет писать он не монографию, а всего лишь книгу, навеянную личными впечатлениями. Если хотите, автобиографическую вещь.

— Еще Пушкин говорил, — ответил Анатолий, — что воспоминаниями о протекшей юности наша литература мало подвигнется. Надо иметь сумму идей позначительнее, чем она обычно имеется. Ну посуди сам, кому, в общем-то, нужны мои сентенции по поводу серьезной отрасли хозяйства. Раз. И экологической проблемы мирового плана. Два. А без них нельзя описать свое пребывание на судне. Я ведь не морскими волнами ходил любоваться. Так вот. А чтобы судить всерьез, надо прежде всего знать предмет, о коем судить собираешься. Невежество в любом деле приводит к катастрофе, к трагедии. Об этом надо всегда помнить. Особенно тем, кто занимается творчеством. Во всех областях. Включая и политику, и экономику, и литературу...

Он передохнул и продолжил:

— И оказывается, что проблема-то касается прежде всего экологии души человека, эко-

логии его культуры. Как же он, властелин земли, хозяйствует на этой же земле? Как же он позволяет себе губить все живое до основания? Неужели напрямую воспринято им о разрушении мира до основания? Но ведь тогда и «затем» никакого не будет. Речь-то ведь в известном гимне шла лишь о мире насилия, а не мире вообще?!

Наступила долгая пауза. Прервав ее, Анатолий вернулся к началу нашего разговора, где речь шла о необходимости большой подготовительной работы для написания задуманной им вещи про мировой океан, про варварское истребление его богатств.

— Это не значит, конечно, что все достигнутое, почерпнутое и собранное в таких вот «деловых» папках непременно будет использовано, включено в текст. Может, ничего в него и не войдет в таком виде. Но я должен все это нести в себе, чтобы рассказать людям об увиденном, узнанном, познанном. Если всего этого не будет в повествовании, а оно угадываемо всегда очень точно, то и веры мне как автору не будет...

Говорил, а глаза были больными. Сказывалась усталость. Сил все меньше остается, жаловался, а сделать еще очень и очень много хочется.

Расстались мы со словами о скорой встрече. Но она, к сожалению, в 1982 году больше не произошла. 18 октября из Дубулты он отправил письмо.

«Дорогой Борис!

Наконец, мне переслали в Дубулты (тут я сижу месяц) том «Подвига», где я оказался рядом с Ю. Бондаревым. И вот там-то я углядел, что послесловие они взяли у Баруздина; взяли из книги «Штормовой пеленг», откуда брали и «Тихий пост». Я им, а именно Гурнову, звонил и говорил несколько раз, чтобы взяли у тебя, но они на меня начали и сделали по-своему. И мне теперь неудобно перед тобой. Но видит бог, не моя сие вина!

Сижу тут, попрюзившись на дно океана, живу ореди осьминогов, луфарей, дельфинов, нефтяных полей и радиоактивных зон. Порою

вынырываю на траулер и живу тогда среди рыбаков. В общем, хочу кое-что сказать о нынешнем положении в океане, как мы его добиваем под защитой лозунга «Рыбу на народный стол!»

Забрался сюда на три срока, до середины декабря, в надежде завершить книгу хотя бы вчерне. Может, удастся. И потому сижу с утра до вечера за машинкой.

Листаю журналы и газеты, но что-то не вижу рецензий на книгу века «Награде не подлежит». Впрочем, я давно знаю, что принадлежу к тем, кто награде не подлежит. От судьбы не уйти. И потому смотрю на это с философской точки зрения.

Дорогой Борис, надеюсь, ты здоров, бодр, удачами не обделен и дела твои идут нормально. Дай-то бог!

Мир дому твоему! А тебя обнимаю и надеюсь увидиться в Москве где-нибудь в декабре, аль январе.

Твой Анатолий».

P. S. А может, «Награду» увидит «Радуга»? Хорошо бы! Вместе с «Аттестатом».

* * *

Он отметит свое шестидесятилетие. Приедет в Москву на VIII съезд писателей. И не вернется домой. Вернется навсегда на ту землю, где появился на свет.

Я не провожал Анатолия Пантелеевича в последний путь. Я просто видел его в последний раз в дни работы съезда писателей. А в день его окончания уехал из Москвы. И уже по возвращении обрушилась на меня горькая весть о кончине дорогого мне человека и доброго русского писателя.

Нужны ли слова: «не верится», «трудно представить», «нельзя помыслить»?! Во всяком случае, слышал от Анатолия неодобрительное отношение к ним. Горе переживают молча, а мысль о кончине человеческой должна жить философски в людях, взывая не к отчаянию, а к жажде сделать все или почти все, к чему ты был призван...